

> МАГИСТРАЛЪ >

АНДРЕЙ БЕЛЯНИН

Моя жена — ведьма

Москва

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Б44

Иллюстрация на переплете
Виктории Лебедевой

Белянин, Андрей Олегович.

Б44 Моя жена — ведьма / Андрей Белянин. — Москва : Эксмо, 2026. — 416 с. — (Магистраль. Главный тренд).

ISBN 978-5-04-197906-5

Любви подвластно все, даже пространство и время. Едва узнав, что его горячо любимая жена Наташа — самая настоящая ведьма, Сергей теряет ее в междумирье. Готов ли наш герой пройти путь от современного Петербурга до Валгаллы, встретиться с богами, сразиться с великанами и победить самую смерть?

Андрей Белянин — российский писатель и поэт, один из самых тиражных писателей современной фантастики, мастер юмористической прозы.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Белянин А.О., текст, 2026
© Оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2026

ISBN 978-5-04-197906-5

Глава 1

Я устал прятаться от тарелок. Они меня не слушаются! Я живой человек, что мне теперь, и из-за стола встать нельзя? Ей легко говорить, она только взглянет — и все блюдечки стоят по стойке «смирно».

— Любимый, если захочешь есть, просто сядь за стол. Я договорилась с посудой, все остальное они сделают сами...

И сделали же! Стоило опуститься на табуретку, как из настенного ящичка со свистом вылетели нож, ложка и вилка и мягко скользнули на скатерть перед побледневшим мной. Потом начищенный половник, фамильярно подмигнув проплывающей тарелке, эффектно плюхнул в нее хорошую порцию борща. Аромат — на всю кухню... Тарелка плавно, чтобы не расплескать, усаживается между ложкой и вилок. Последний штрих — хлеб и десертная ложечка сметаны. Немного напоминает знаменитую сцену с варениками из Гоголя, не правда ли? Спрашивается, чем я еще недоволен? Да жене, которая способна так выдрессировать кухонную утварь, надо памятник при жизни ставить и ноги целовать. Не спорю... Даже наоборот, я очень ее люблю, но результат... Мне взбредает в голову, что руки перед едой надо мыть. Ничего не попишешь, подзабыл, с кем не бывает... И вот, когда я встаю, дабы направиться в ванную, эта дура тарелка, до краев наполненная дымящимся борщом, вдруг решает, что ее бросили, и срывается следом за мной. То ли она не рассчитала скорости, то ли я зацепился тапочкой за складку на линолеуме, но последствия... У меня обварена вся поясни-

ца и... пардон, то, что ниже. Жена вечером ревела в голос и требовала показать ей именно ту тарелку, чтоб разбить ее сию же минуту. Но злоумышленница, резко поумнев, сразу после моего вопля бросилась мыться и давно замаскировалась на полке с посудой среди своих фарфоровых товарок. Как я ее узнаю? По выражению лица? Вот когда она меня ошпаривала, готов поклясться — лицо у нее было самое вредительское. А теперь... как их отличишь? Прямых улик нет, взятки гладки.

Пока супруга ласковыми пальчиками обильно вымазывала мою заднюю часть прохладной мазью, я жалобно уговаривал ее больше не колдовать в доме. Дело в том, что моя жена — ведьма. Не пугайтесь... Видите, я говорю об этом совершенно буднично и спокойно. Ведьма... Да большинство мужчин периодически бросают такой эпитет раздраженным половинам, когда те, в бигуди, застиранных халатах и с остатками вчерашней косметики на помятых лицах, не дают им достойно отметить День Парижской коммуны. Я же всегда произношу это слово с уважением. Никаких обид, никаких оскорблений, ничего личного, просто ведьма... Не такая уж редкость, должен признать. Русь-матушка издревле славилась своей лояльностью ко всякого рода нечисти. Достаточно вспомнить великолепный сборник «Киевские ведьмы», прозу Жуковского и Брюсова, поэзию Пушкина и Гумилева. Про Гоголя вообще молчу, а кто не восхищался дивным романом Булгакова? Многим ли мужчинам досталась такая самоотверженная женщина, как Маргарита? Кто хотя бы раз не мечтал втайне коснуться губами ее колена и услышать:

«Королева в восхищении...»

Мне повезло. Я так считаю. Мнение других по этому поводу мне безразлично. Если же какой-либо индивидуум начнет особенно сильно настаивать, я забуду о своей врожденной интеллигентности и ударю его по лицу. Он должен быть мне очень благодарен, ибо если за это возьмется моя жена... Один тип, торгаш из соседнего вино-водочного киоска, ухитрился схлопотать от нее пощечину — говорят, его до сих пор лечат. Всю щеку расцветил

невероятно большой лишай, и врачи разводят руками, не зная, что с ним делать...

История нашей любви проста и романтична. Мы познакомились в библиотеке. Меня пригласили туда на выступление со стихами. Видите ли, я — поэт. В своем городе человек признанный, известный, член Союза писателей. Благодаря этому меня часто приглашают на выступления в разные организации, иногда даже платят, но дело не в этом... Она работала в этой библиотеке, встретила меня у входа, проводила в зал, дальше — как обычно... Вернее, все обычное на этом закончилось. Я посмотрел в ее глаза, и мир изменился. Банально? Увы... раньше я и сам пребывал в блаженной уверенности, что подобное происходит лишь в книжках да в кино. Ее глаза карие, необычайно теплые и такие глубокие, что я провалился в них с первого же взгляда. Сам толком не понимая происходящего, я читал все стихи о любви только ей. Я отвечал на вопросы из зала так блестяще остроумно, что она все время хохотала, стоя у стены. Я с трудом отводил от нее взгляд, абсолютно не желая давать себе отчет в полной бестактности столь навязчивого разглядывания посторонней женщины... Прошли три долгих мучительных года, и вот теперь мы вместе. В том, что она — ведьма, Наташа призналась мне в первый же день нашей супружеской жизни.

— И не делай такое снисходительное лицо, — строго заявила она. — Терпеть не могу, когда ты разговариваешь со мной как с сумасшедшей или как с маленькой девочкой, рассказывающей папе страшный сон. Да, я — ведьма! Прошу принять это к сведению и относиться серьезно.

— Любимая, ты надеешься, что я одумаюсь и быстренько подам на развод?

— Поздно, дорогой! Ни о каком разводе даже не мечтай. Теперь я сама ни за что тебя не отпущу. Просто ты имеешь право знать обо мне всю правду, а правда такова: я — ведьма.

— Очень интересно, — снова улыбнулся я, усаживая ее к себе на колени. Это была наша излюбленная поза для задушевных разговоров. Я обнял ее за талию, а она по-

ложила руки мне на плечи. — Теперь рассказывай: когда, как и вообще с чего ты заметила в себе первые признаки нечистого духа?

— Я тебя укушу!

— Только не за ухо... ай! Не надо... Я же люблю тебя!

— Я тоже тебя люблю. Не говори глупостей. Все далеко не так весело... Ты что-нибудь слышал о передаче дара?

— Что-то очень смутное. Вроде как каждый колдун перед смертью должен передать свой дар кому-нибудь, да?

— Почти, — серьезно кивнула Наташа. — Как все-таки хорошо, что ты у меня такой начитанный, сам все знаешь. Моя бабушка была верховинской украинкой с Закарпаття. В деревне все знали, что она ведьма, и, когда мы с мамой приезжали к ней на лето, соседские дети дразнили меня ведьмачкой.

— Это нехорошо... Дети должны быть вежливыми и дружелюбными, а дразниться... ой! Ухо, ухо, ухо...

— Я тебя еще и не так покусаяю! — возмущенно фыркнула она, тут же подарив мне утешающий поцелуй. — Ну пожалуйста, отнесись к моим словам серьезно... Так вот, однажды зимой бабушка заболела. Мы с папой остались в городе, а мама уехала к ней, но не успела: бабушка умерла. Соседи говорили, что это была страшная смерть, она металась, кричала, словно боролась с кем-то, кто душил ее... Уже не помню, какие там были сложности с похоронами, кажется, священник запрещал хоронить ее на кладбище, но в конце концов все уладилось. Мама продала дом со всем содержимым в собственность совхоза и очень сердилась, когда я расспрашивала о бабушке.

— Странные отношения для матери и дочери.

— Они всегда были напряженными. Бабушка не приняла папу и считала мамин выбор ошибкой. Она даже не писала нам. Меня любила безумно, считая, что я очень похожа на маму, и всегда дарила подарки. Вот так...

— И от бабушкиной любви тебе передалось ведьмовство?

— Дело в том, что, пока мама была на похоронах, на наш адрес пришла посылка. Папа сам получал ее на почте. Видимо, бабушка отправила ее сразу же, как заболела, или

чуть раньше. Там лежали банки с вареньем, какие-то травы, сушеные грибы на ниточке, вроде бы все... По крайней мере, так папа успокаивал разволновавшуюся маму, когда она вернулась. Он не знал, что там был подарок для меня. Между банками лежала коробочка, я ее схватила и спрятала в карман. Потом закрылась в детской и там посмотрела. Это была тяжелая серебряная цепь с необычным крестом из черного металла. Я сразу поняла, какая старая и красивая вещь у меня в руках. Я ее надела и...

— И?

— Не целуйся, ты меня отвлекаешь... Не целуй, тебе говорят!

— Извини, — покаялся я. — Что же было дальше?

— Я потеряла сознание. Папа говорил, что он очень испугался, услышав шум в моей комнате. Но когда он привел меня в чувство, никакой цепочки на шее не было. А цепь я нашла уже утром следующего дня в том же кармашке платья.

— Значит, бабушка вложила в свой подарок всю ведьмовскую силу и таким образом передала ее тебе?

— Да. Когда мне исполнилось восемнадцать, я ощутила этот дар.

— Как именно?

— Я могу взглядом двигать предметы.

— Рядовой телекинез, — хмыкнул я.

— Могу летать.

— Обычная левитация.

— Могу колдовать.

— То есть уверять человека в том, что он видит то, чего нет? Подснежники посреди зимы, кролик в шляпе, белье из Франции и червонцы с потолка... Банальный гипноз. Девочка моя, ты находишься во власти глубоких заблуждений. Мой долг мужа и гражданина взять тебя за руку и отвести к хорошему психиатру, а уж там...

Вместо ответа она взглядом подняла со стола чашку остывшего чая и заставила ее медленно вылить содержимое мне за шиворот. С этого момента я ей поверил...

Глава 2

Потом она показала мне эту цепь, действительно старое серебро с чернью, царапинками, тяжелое и холодное. Крест аккуратно вписывался в правильный квадрат, нижняя планка несколько изогнута вправо, верхняя — влево, но все равно это несомненно был крест. Металл мне неизвестный, черный, как чугун, но на ладони легче алюминия. Я попытался примерить, но жена отобрала, покрутив пальцем у виска.

— Может взорваться? — кисло пошутил я.

— Не умничай... Дара в нем уже нет, но рисковать не хочу.

— Боишься, что я стану колдуном?

— Милый мой, ну о чем ты говоришь?! — Она всплеснула руками и прижалась ко мне. — Ты хоть понимаешь, каково это — быть колдуном?

— Крибле, крабле, бумс! После чего появляются маленькие зеленые человечки и выполняют любое мое желание...

— Маленькие зеленые человечки появляются после второй бутылки без закуски. Послушай, ты у меня умница, красавец мужчина, вдобавок замечательный поэт, я тебя очень-очень люблю! Не лезь, пожалуйста, куда не просят...

Она меня уговорила. Ей вообще легко это удается, я просто теряю голову от ее поцелуев. Каждый раз напоминаю себе, кто в доме хозяин, каждый раз даю слово обязательно настоять на своем и... Ей достаточно подойти и посмотреть мне в глаза. Только что веревки не вьет. Почему я так свято уверен, что она меня действительно любит?

И вот однажды в зимнюю ночь Наташа исчезла. Это произошло примерно через месяц нашей совместной жизни. Началось с того, что я проснулся от непонятной смутной тревоги — жены рядом не было. Подушка еще хранила аромат ее волос, но простыня с той стороны кровати уже была холодной. Я встал, нашарив в темноте шлепанцы, пошел в кухню, включил свет — никого... В туалете и ванной ее тоже не оказалось. Я бросился в прихожую — Наташина дубленка висела на вешалке, а зимние ботинки уютно прикорнули в углу. Ничего не понимаю, чертовщина какая-то...

— Милый, ты где? — Голос моей жены раздался из спальни, заставив меня буквально подпрыгнуть на месте. Ничего не понимаю... Ее же там не было!!!

— Что с тобой? — сонно мурлыкнула она, когда я вновь залез под одеяло. — Ты же холодный весь! Иди ко мне, я тебя согрею...

Мы жадно прижались друг к другу, и, уже засыпая, я никак не мог понять, что за странный запах исходит от ее черных волос...

Второй раз это случилось дня через три. У нас не было четкого распорядка, кто когда встает, кто готовит завтрак, кто нежится в постели. На этот раз первым встал я, Наташа спала, свернувшись теплым комочком и натянув одеяло до самого носа. За окном шел снег. Я быстренько влез в штаны, прошлепал на кухню поставить чайник, а вернувшись, присел на краешек кровати, любуясь этой женщиной. Мне очень нравилось смотреть на нее спящую... Такую беззащитную, трогательно-ранимую и безумно родную. Вот тут-то я опять почувствовал режущий ноздри запах. Оглядевшись, я невольно склонился над безмятежно посапывающей женой, и... запах усилился! Он шел от ее волос... Резкий, душный запах псины! Нет, чего-то очень похожего, но иного... более дикого, что ли... Наташа так неожиданно распахнула глаза, что я вздрогнул.

— А-а-а... это ты... — Она сладко потянулась, выпростав из-под одеяла смуглые округлые руки. — Опять подглядываешь? Ну как тебе не стыдно, заяц... Сколько раз я тебя просила...

— Ты ничего не чувствуешь? — перебил я.

— Хм-м... нет, а что? — Она недоуменно хлопнула ресницами.

— Здесь пахнет... собачьей шерстью или чем-то очень похожим.

— Да?

— И пахнет от тебя, — пояснил я.

— Сережка, милый, ну что ты несешь? — мягко улыбнулась Наташа, забрасывая руки мне на шею. Одеяло скользнуло по ее груди, и я вновь почувствовал томительно-сладкое головокружение. — Нет, погоди... Я — в душ!

Она выскользнула из моих объятий, как волна, и через некоторое время уже звала меня из кухни. Чайник закипел. Наташа доставала из шкафчика банку кофе. Она только что вылезла из ванны, и ее мокрые волосы источали аромат зеленых яблок. Ненадолго я забыл о странном запахе...

Наташа сама заговорила со мной в следующую же ночь, когда мы, горячие и усталые, пытались улечься поудобнее, чтобы хоть какую-то часть этой ночи посвятить именно сну.

— Что-нибудь не так?

— Любимая, ты у меня просто чудо... Живой огонь! Я никогда не встречал такой женщины.

— Не выкручивайся. — Она приподнялась на локте, заглядывая мне в глаза. — Ну вот зачем ты так со мной? Я же все вижу...

— Что ты видишь?

— Ты опять принимаешься к моим волосам.

— Вовсе нет. Просто твоя голова лежит у меня на груди, я вдыхаю и выдыхаю, вот и создается иллюзия...

— Ты уверен, что тебе надо это знать? — перебила Наташа.

Я пожал плечами, мы помолчали.

— Ты прав. Конечно же, ты во всем прав. Раз уж мы вместе, то ты имеешь право знать обо мне все. Я... я надеялась, что, может быть, ты не заметишь, но... У меня появились определенные проблемы.

— Тогда рассказывай. Пока мы едины — мы непобедимы! Ай! Ухо... не кусайся!

— Кусалась и буду кусаться! Вредина... Я с ним серьезно разговариваю, а он от меня дурацкими лозунгами кубинской революции отмахивается. Не буду говорить!

— Все, все, все... Смилуйся, государыня рыбка! Ты хотела поделиться со мной нашими проблемами.

— Нашими?

— Естественно, ибо как муж принадлежит своей жене, так и жена принадлежит своему мужу, — важно заключил я.

Наташа встала, подошла к окну и отдернула занавеску. На ультрамариновом небе, среди серебряной россыпи звезд, матово отсвечивал розоватый диск луны.

— Полнолуние...

Я смотрел на залитое холодным блеском тело моей жены, почти не дыша от немого восхищения. Она была так недосыгаемо прекрасна, как мраморная статуя Венеры в Эрмитаже, как «Источник» у Энгра или «Утро» у Коненкова. Я бы мог назвать еще кучу имен и произведений искусства, но самое дивное творение самой природы стояло сейчас передо мной.

— Ты можешь хоть минуту не думать обо мне как о женщине?!

— Могу... после девяноста восьми.

— Дурак... только попробуй. — Она едва не прыснула со смеху, но вновь попыталась взять серьезную ноту: — Ты видишь, в небе полная луна. В такие ночи Силы Тьмы берут над нами особую власть. Я — ведьма, и я тебя люблю. Поэтому я ухожу далеко-далеко...

— Ничего не понимаю. Какие Силы Тьмы? Какая еще власть? Почему и зачем тебе надо куда-то уходить?

— Затем, что я не всегда могу контролировать свои чувства. Затем, что звериные инстинкты берут верх, а я не могу себе позволить причинить тебе хоть малейший вред. Я ухожу в другие миры... И возвращаюсь почти тут же. То, что является целым днем там, здесь занимает меньше минуты. Умение сворачивать время — серьезный плюс ведьмовства. Раньше мне удавалось проделывать это незаметно, теперь ты стал замечать. Значит, время настало...

— Любимая, иди ко мне... — Я протянул руки в надежде, что она, как всегда, бросится ко мне в объятия, а уж там... в общем, вдвоем мы сумеем развеять ее депрессию.

— Нет... — Голос Наташи неожиданно наполнился пугающей грустью. — Не надо... пожалуйста. Просто посмотри. Ничего не говори, ничего не делай, даже не двигайся — смотри...

Она шагнула в центр комнаты, быстро вскинула руки вверх, запрокинула голову и на мгновение замерла в напряженной позе. Потом — неуловимое глазу движение, словно бы кувырок или кульбит через спину, и... в нашей спальне на ковре встала волчица! Я потерял дар речи, все тело словно сковало ледящим холодом страха, а дикий зверь втянул ноздрями воздух, пристально посмотрел на меня круглыми желтыми глазами, крутанулся на месте и исчез. Прошла невероятно долгая минута, пока Наташа вновь не оказалась на прежнем месте.

— Теперь ты видел, теперь ты знаешь.

Я молчал. Она недоверчиво сощурилась, толкнула меня в плечо, а я повалился с кровати на пол, как пластмассовый манекен. Жена накинула халатик и бросилась к холодильнику за водкой. Через полчаса эффективных растираний мои мышцы пришли в прежнюю норму, но говорить я смог гораздо раньше. Правда, не помню, о чем конкретно я тогда так кричал. Кажется, ругался... Или молился?..

* * *

К вечеру следующего дня, за ужином, мы вновь вернулись к прежней теме. Первым не выдержал я, признаюсь...

— Любимая, это... ну, не очень больно?

— Нет. — Она сразу поняла, о чем я, и, отставив чашку, взяла мою ладонь в свои. Ее глаза были ласковы и печальны. — Почему ты спрашиваешь?

— Так... обычно в фильмах ужасов человека ломает, корежит, у него меняются формы, трансформируются кости и мышцы, растут зубы, лезет шерсть... Все это сопровождается жуткими криками, слезами, судорогами. Как это происходит у тебя?

— Наверное, это труднообъяснимо... В полнолуние я ощущаю своеобразный зов, словно сама кровь иначе движется в жилах, сердце бьется по-другому, даже зрение меняется. Я вижу тонкие миры, ощущаю вокруг себя иную сущность вещей, запахов, цвета... Кожа становится такой тонкой, что кажется — ветер проходит сквозь меня. Потом мгновенный всплеск боли, сладкой до умопомрачения... Все человеческое исчезает, — и я смотрю на мир глазами волчицы. Я оказываюсь в другом месте, другом измерении, другом мире, если хочешь...

— Эти... миры, они всегда разные?

— Да. Или, вернее, их несколько, иногда попадаешь в один и тот же. Это бывает лес, пустыня, заброшенный город. Я помню какие-то смутные обрывки самых ярких впечатлений, в основном это связано с бегом за кем-то или от кого-то. Охота, погоня, бой. Когда происходит акт возвращения в прежнее тело, я не успеваю запомнить. Но это всегда бывает только здесь, только в этом мире. Там я не могу стать человеком, хотя убеждена — именно те миры насыщены магией до предела. Возможно, нам позволяют в них лишь заглянуть, но не разрешают в них жить.

— Нам? — немного удивившись, переспросил я.

— Нас несколько. Я иногда вспоминаю свой бег в стае. Среди настоящих волков были и волки-оборотни. У них совершенно другой, по-человечески осмысленный взгляд. Мы сразу узнаем друг друга и стараемся держаться подальше. Там есть огромный серебристо-серый волк, его взгляд наполняет меня ужасом. Я не могу объяснить почему... Мне кажется, что я ощущаю исходящее от них зло. Мы разные... Если бы они могли меня догнать, то обязательно бы убили.

— Любимая, ты уверена, что от этого нельзя никак излечиться?

— Глупый... — Наташа опустила голову, нежно потерлась щекой о мою ладонь и грустно закончила: — Ты думаешь, я не пыталась? Я перепробовала все, даже ходила в церковь. Кончилось тем, что один священник убедил меня согласиться на экзорцизм. Он утверждал, что но-